

УДК 343.9.018

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(4).656-665

## КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

**Т.М. Судакова***Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

22 августа 2017 г.

Дата принятия в печать

27 ноября 2017 г.

Дата онлайн-размещения

15 декабря 2017 г.

**Ключевые слова**

Криминологическое исследование;  
методология криминологии;  
качественные методы  
криминологического исследования;  
интегративная методология

**Аннотация.** В условиях наблюдаемого сегодня в общественных науках методологического плюрализма криминология испытывает на себе закономерный процесс становления интегративных подходов к принципам проведения и интерпретации научного исследования. Необходимо констатировать сложившуюся неоднозначность подходов криминологов в этом аспекте. Осознание недостаточности методологических основ, традиционно инерционное использование принципов диалектики либо их полное отрицание, непризнание самой возможности компромисса с диалектическим материализмом и одновременно обоснование относительно новых принципов и методик — характерные особенности состояния методологической основы криминологии в данный момент. Критическое осмысление методологических подходов криминологической теории в ретроспективе и современных воззрений показывает и обоснование методологического плюрализма, даже полипарадигмальной методологической сущности криминологии современности, и формирование принципов триангулятивной криминологии. Весомой прикладной значимостью обладает позиция ученых о целесообразности интервальной методологии исследования преступности как сложного многомерного социального феномена. В условиях изменившихся форм и масштабов преступности учеными заявляется о необходимости определить концепцию и теорию фундаментальной криминологии. Усиливающаяся междисциплинарность наук о различных видах отклоняющегося социального поведения в настоящее время выступает их типичной характеристикой, подчеркиваемой специалистами. Тенденции мировой криминологической школы позволяют говорить о появлении обсуждаемой криминологами новой интегративной теоретической перспективы криминологии XXI в. как основы междисциплинарного исследования преступности с использованием возможностей дополняющих друг друга теорий и методологических подходов. В статье подчеркивается, что достаточно перспективные нетрадиционные методы, которые следует применять не для замены, а для дополнения существующих традиционных методик, к сожалению, сегодня редко используются в отечественных криминологических исследованиях. Вместе с тем такие методы очень распространены в практике зарубежных социолого-правовых исследований преступного поведения. Преобладание разработок, опирающихся именно на количественную методологию, является отличительной особенностью российской криминологии. Знание современных методологических основ необходимо для полноценного и всестороннего анализа современных проявлений преступности, в ином случае смысл этого анализа утрачивается. Цель работы состоит в акцентировании внимания с учетом современных методологических подходов на проблеме полноценного выявления и оценки криминологических параметров преступности, грамотного сочетания количественно-качественных методик и теоретико-эмпирической основы криминологического исследования, которое должно соответствовать ряду общеизвестных, однако нередко игнорируемых правил.

## CRIMINOLOGICAL RESEARCH: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS

**Tatyana M. Sudakova***Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation***Article info**

Received

2017 August 22

**Abstract.** In the current climate of methodological pluralism in the humanities, criminology is going through a logical process of developing integrationist approaches to the principles of doing and interpreting research. It is necessary to note that the approaches of criminologists to these processes differ. The methodological basis of criminology is at the

Accepted  
2017 November 27  
Available online  
2017 December 15

**Keywords**

Criminological study; methodology of criminology; qualitative methods of criminological research; integrative methodology

moment characterized by the understanding of the insufficiency of current methodology, by the traditionally inertial use of the principles of dialectics or their complete denial, by the rejection of the very possibility for compromise with dialectic materialism and, at the same time, support of relatively new principles and methods. The critical analysis of the past and present of methodology used in the theory of criminology provides grounds for both methodological pluralism as the poly-paradigm essence of the methodological basis of contemporary criminology, and the formation of the principles of triangulative criminology. The views of researchers on the possibility of using the interval methodology of researching crime as a complex multi-dimensional social phenomenon have considerable practical value. Researchers claim that, as the forms and scale of crime have changed, it is necessary to determine the concept and theory of fundamental criminology. At present, the defining feature of theories on different types of deviant social behavior is their inter-disciplinary character, which is highlighted by specialists. Trends of the world criminological school indicate the emergence of a new integrationist prospect for criminology of the 21<sup>st</sup> century, which is discussed by criminologists as the basis for the interdisciplinary research of crime with the use of theories and methodological approaches that supplement each other. The author stresses that prospective non-traditional methods, which should be used to supplement, rather than to replace, traditional approaches, are at present rarely found in Russian criminological research. At the same time, such methods are very common in foreign social and legal research of criminal behavior. The dominance of research based on quantitative methodology is a characteristic feature of Russian methodology. The knowledge of contemporary methodological basis is necessary for the high-grade comprehensive analysis of modern manifestations of crime, otherwise the analysis loses its value. The goal of this article is to use modern methodological approaches to highlight the issue of the full identification and evaluation of criminological parameters of crime, of the correct combination of quantitative and qualitative methods as well as the theoretical and empirical basis of criminological research that should correspond to a number of well known, though often ignored, rules.

Объективные закономерности развития современной криминологии, обусловленные в том числе процессами постмодернистской криминализации многих сфер общественной жизнедеятельности, настоятельно указывают на ряд проблем теоретического и методологического характера. Признаваемый в науке статус криминологии как институциональной научной теории о преступности и социальном контроле над нею, обладающей относительной автономией, зависит от многих факторов. Решение криминологией своих традиционных задач, ее дальнейшее развитие базируются на междисциплинарном подходе к изучению преступного поведения, на всестороннем анализе его взаимосвязей со сложным комплексом проблем современного общества. Вместе с тем продолжающееся осмысление преступности как сложного социально-правового феномена, находящегося в неразрывной связи с тенденциями общественного развития и редуцирующего все влияние окружающей среды, настоятельно требует постоянного, системного, комплексного приращения научного знания в этой сфере. Данный научный постулат общепризнан, однако далеко не всегда «выдерживается» в рамках развития научных основ криминологии.

В этой связи процесс реализации конечной цели существования и развития криминологии,

традиционно трактуемой учеными как выработка и поступательное практическое воплощение адекватных современным закономерностям преступности мер противодействия, страдает множеством изъянов и признается криминологами малоэффективным, зачастую не соответствующим современным криминальным реалиям [1]. Более того, ученые настойчиво указывают на развивающийся кризис криминологии [2, с. 70].

Критикуемая сегодня методологическая основа общественных наук, базирующаяся на признании принципов материалистической диалектики первоосновой, уверенно используется в качестве таковой при проведении исследований и нередко сочетается с сущностными категориями иных методологических воззрений и подходов. Методологические проблемы криминологии связаны и с вопросами целесообразности рассмотрения преступности через призму системного подхода, и с обоснованными попытками сторонников социологии преступного поведения обосновать разумность использования интегративного подхода в криминологии. Криминология как комплексная интегративная наука, синтезирующая положения многих наук и базирующаяся на системно-структурном подходе к исследованию криминальных явлений, —

не менее распространенный тезис о статусе криминологии в системе современной науки [3–12].

Наблюдаемый и выделяемый сегодня в системе общественных наук теоретический синтез методологических положений в полной мере распространим и на криминологические исследования. В мировой современной криминологии закономерные процессы модернизации научного знания позволяют характеризовать ее как науку более междисциплинарную, предполагающую максимально широкий охват традиционных криминологических знаний и знаний из других областей — социальной экологии, культуры, политической экономии [5, с. 7]. Более того, зарубежные криминологи подчеркивают ее все более компаративный и более ориентированный на прикладную, прагматическую направленность характер [там же, с. 6].

Сложность общественных процессов послужила развитию активно апробируемого сегодня методологического подхода (именуемого интервальным) к изучению преступности как многомерного процесса. Базовыми признаками его реализации выступают осознание и исследование преступности как сложного многомерного явления социальной действительности [8]. Интервал — разделяющая и ограничивающая, а не исключающая противоположные научные истины граница. В рамках интервала, полагают специалисты, система идей может быть истинной и справедливой [9].

Мировоззренческие позиции, методологические научные основы, наряду с развитием общества, имеют свойство меняться. Процесс формирования и интеграции научного знания, базирующийся на теориях модернизма, постмодернизма, привел к формированию их смешанного варианта, который ученые называют постпостмодернизмом. Его ключевой признак — моделирование объективных обстоятельств преступного поведения в контексте социальной структуры с его субъективными факторами, в рамках которого механизмы причинности имеют не просто вероятностный характер, а множественные взаимозависимости, определенности интерактивного характера. Ученые заговорили о *возникновении* интегративной криминологии как относительно нового направления знания о закономерностях преступности [13–15].

Интегративная методология, как именуют ее специалисты, позволяет более адекватно объяснять множественность и интерактивность причинно-следственных зависимостей

в механизме порождения преступности. Ставшие нормой в зарубежной криминологии, поликонцептуальность, полипарадигмальность, интегративный подход сегодня не являются таковой для российской науки о преступности и социальном контроле над ней [5, с. 6–8]. В рамках российской криминологической школы немногочисленные сторонники интегративного подхода к изучению криминологических проблем сформировали принципы преодоления методологического дуализма модернистских и постмодернистских теорий преступности через методологическую триангуляцию. Триангуляция предполагает совместное использование (синтез) различных количественных и качественных методов, взаимодополняющих друг друга и минимизирующих недостатки каждого, что исключает фрагментарность и ограниченность выводов проводимых исследований и дает целостное представление о природе и причинах преступности в целом и ее отдельных форм и видов. Такая методология позволяет не просто обобщать, а критически анализировать события и факты на макро- и микроуровне социума, более эффективно описывать многомерную картину преступности [там же, с. 13]. И, как подчеркивают специалисты, использование методологической триангуляции позволяет объективные данные о преступности, полученные методом статистическим, дополнить методами субъективной статистики, под которыми понимаются, к примеру, формализованные опросы, а также качественными данными, собранными с помощью методов кейс-стади, нарративного, биографического методов, метода фокус-группы и т.п. [там же, с. 10]. При этом отличительной особенностью российской криминологии является преобладание исследований, опирающихся именно на количественную методологию [там же, с. 10–11].

Проблемы эмпирической оценки преступности весьма актуальны для отечественной криминологии и связаны в большей мере с односторонностью формирования самой основы эмпирических данных. Если количественные социологические методики позволяют учесть латентные составляющие преступности, то качественный инструментарий направлен на выявление психологических особенностей преступного поведения.

Целесообразность внедрения в российскую научную действительность подходов интегративной методологии выступает, как представляется, ее насущной потребностью, позволяющей

сочетать и дополнять недостатки привычных, «стереотипных» принципов познания преступности и усложняющихся и совершенствующихся механизмов ее детерминации.

Не стоит забывать и о важной категории методологического подхода к изучению преступности как системы, органично вписывающегося в интегративную методологию. Системный подход, разившись в теории криминологии в стройную научную концепцию, постепенно заменяет причинно-следственный анализ порождения преступности [16, с. 125]. Весьма распространенный сегодня и подробно описанный в научных исследованиях о российской криминальной действительности, он базируется на признании преступности элементом системно организованной целостности, представляющей взаимосвязанные и взаимодействующие функциональные компоненты общества, его подсистем с различным характером такой взаимосвязи. Это целостное единство, а не механическая совокупность структурно расчлененных, но взаимосвязанных элементов. Каждый элемент (подсистема), подвергнутый воздействию, оказывает влияние на все другие элементы. Преступность, таким образом, предстает перед нами органическим интегральным, структурированным элементом общества как всеобъемлющей системы, ее специфическим компонентом, с обратными связями [17, с. 46]. Исследование тенденций развития определенного объекта должно осуществляться с необходимостью сопоставления получаемых данных с общими закономерностями развития преступности в изучаемой сфере. Только осознание включенности преступного поведения в структурно-системную связь явлений и процессов, образующих единый общественный организм с цепной реакцией на изменение в любом из этих объектов, должно обеспечить некое единообразие криминологических исследований.

Методологические принципы должны определять содержательную суть *криминологического исследования*. Криминологическое исследование базируется на ключевых положениях теории и методологии. Его проведение подчиняется четко определенным целям, направлено на конкретный объект, границы которого устанавливаются изначально. Преступность с ее количественными проявлениями и качественными, внутренними, скрытыми особенностями изучается путем ее количественных оценок и анализа закономерностей качественного их

преломления. Сложившаяся методология науки, преломляясь через совокупность применяемых методик, позволяет выявить характерные особенности преступных проявлений под интересующим исследователя углом зрения. Совокупность используемых методов обуславливается особенностями изучаемого объекта.

В качестве предпосылок исследования необходимо применять тезисы о самостоятельности криминологии, о ее комплексном характере, детерминированном нахождением на стыке социологии и уголовного права, и, соответственно, о том, что, будучи социолого-правовой наукой, криминология должна исследовать свои объекты с позиции общих социальных закономерностей, взаимодействующих с иными социальными явлениями, т.е. в социальном контексте.

В целом, обладая серьезной теоретико-методологической базой криминологических работ, современная российская криминология нередко испытывает недостаток в *комплексных систематических и системных* исследованиях преступности и ее отдельных форм и видов, что выступает, в свою очередь, существенным фактором снижения научного потенциала разработки стратегии и тактики профилактических мероприятий [8, с. 130]. Зарубежный опыт в этом контексте представляется позитивным примером системности изучения важнейших характеристик преступного поведения прежде всего с позиции оценки его фактического (а не статистического) объема или уровня [3, с. 57].

Констатация тех постулатов, которые априори являются общеизвестными, с одной стороны, и которым придается некое забвение вследствие общих тенденций развития современной криминологии, с другой стороны, позволяет определить ключевые направления дальнейших работ. Представляется, что наличие принципиальной, сущностной совокупности применяемых *правил криминологического исследования* как комплексной социолого-правовой категории должно выступать неким базисом, определяющим вектор развития криминологической материи.

Криминологическое исследование немыслимо без применения и интерпретации данных криминологического анализа и юридических категорий. Оно предполагает познавательный когнитивный процесс приобретения нового знания на основе достоверных первоисточников криминологической информации, полученных исследователем, и результат данного процесса.

Объективные выводы, позволяющие оценить уровень криминальной пораженности изучаемого объекта, детерминационные интерактивные зависимости механизма ее продуцирования на макро- и микроуровне, в том числе мотивационной сферы личности преступника, как и определение актуальных его состоянию конкретизированных мер целенаправленного воздействия, — важнейшие итоговые компоненты криминологического исследования.

Сбор эмпирического материала, его первичное обобщение и даже предварительные оценки составляют имманентную часть исследовательской работы, однако результат этого процесса не может претендовать на окончательный научный статус. Когда собранный материал подвергается критическому исследованию, устанавливаются корреляции, иные зависимости и их закономерности, приращенное знание приобретает научный потенциал. Отрицать значимость обобщения и анализа статистической информации при проведении конкретных исследований не стоит, это обязательный первоначальный этап любого исследования, особенно если выявление статистических закономерностей сопоставляется с анализом реальных предпосылок их существования и оценкой фактической ситуации, предрасполагающей к установленным статистическим проявлениям.

При этом нужно заметить, что процедура интерпретации осуществляется не вслед за эмпирическим исследованием, а всегда одновременно с ним. В этой связи выделить эмпирический уровень криминологического исследования в чистом виде, без теории, практически невозможно, но можно аналитически [3, с. 42]. Значимостью обладает возможность адекватной оценки когнитивного потенциала совокупности применяемых различных методов, способность использования их сильных сторон и нивелировки недостатков.

Методы оказывают существенное влияние на конечный результат, и только их совокупность может выступать достоверным источником получения нового знания, сочетание различных приемов позволяет исключить неполноту и фрагментарность получаемых выводов.

Качественные методики, фиксирующие субъективную значимость социальных явлений, определяющие фактическое содержание исследуемого объекта, как известно, выявляют внутренние, скрытые особенности преступного поведения. При изучении конкретных про-

блем многие криминологические исследования страдают некоей однобокостью, негибкостью примененных методов, зачастую отсутствием комплексной необходимой методики и характеризуются лишь обобщением статистического массива, чаще всего базирующегося только на официальной информации правоохранительных органов. Анализ статистических данных не дополняется данными субъективной статистики, полученными методом формализованного опроса, а также качественными данными, полученными с помощью достаточно разнообразных и многочисленных методов, таких, к примеру, как кейс-стади, биографического, фокус-группы и т.п. При наличии положительного опыта их применения и сочетания в зарубежных криминологических исследованиях в российской криминологии это направление только начинает развиваться [3, с. 62–67]. Такого рода перспективные нетрадиционные методы следует органично применять не для замены, а для дополнения существующих методик, синтез которых позволил бы свидетельствовать о наличии «исследовательской стратегии эмпирического исследования преступности» [6, с. 90, 200–205]. Представленные и описанные в социологии методы эмпирической оценки преступности довольно многочисленны и предполагают совокупность способов познания криминальной действительности.

Метод *кейс-стади* в его криминологической интерпретации понимается как используемая с помощью глубинного интервью, включенного наблюдения методика всестороннего исследования преступного случая как уникального явления в сравнении с другими уникальными явлениями. Значимость такого метода имеет практический потенциал как пример порождения подобных ситуаций и событий. *Этнографический* метод предполагает применяемое с помощью группового интервью, изучения документов описание норм, ценностей, установок группы носителями определенной культуры. Достаточно известной теории российской криминологии и нередко используемый метод *включенного наблюдения* — это разновидность наблюдения при отсутствии осознания объектом факта наблюдения за ним. *Биографический* метод предполагает чаще всего глубинное интервью для изучения опыта конкретной личности в разных, как правило, нетипичных, экстремальных ситуациях. Это изучение явления через особенности восприятия его конкретной личностью.

К методике качественного исследования социологи относят и *эндометодологию* как совокупность применяемых в повседневной жизни методик для конструирования социальной реальности как кризисного эксперимента. К качественным методикам относят и методы *психолингвистики* (семантический дифференциал, кластерный анализ фразеологизмов и т.п.), направленные на изучение обыденного правосознания, особенностей и стереотипов межличностного восприятия [3, с. 62–67].

*Вторичный анализ данных опросов о преступности*, широко используемый в зарубежной исследовательской практике, представляет собой переоценку и переосмысление ранее собранной и проанализированной первичной опросной информации в ином контексте, требуемом исследователю. Эта методика прежде всего сокращает и экономит исследовательские расходы и позволяет получить новое знание при минимальных организационных усилиях, привлечь дополнительные фактические данные об уровне виктимизации населения определенной территории, об уровне фактической распространенности преступности [3].

Проблемы исследования фактического объема преступности, показателей латентности преступного поведения нередко ограничиваются суждениями о ее высоком уровне, детерминированном объективно-субъективными факторами. А между тем данные общеизвестные постулаты о высоком уровне латентности преступных проявлений нуждаются в безусловной конкретизации и серьезном обосновании. Вооруженность знанием в этом контексте выступит мощным рычагом разработки превентивных тактических мер, как и мероприятий стратегического, в том числе прогностического, характера. Однако локальные криминологические исследования, описывающие тенденции преступности, редко применяют соответствующий специфический и вместе с тем эффективный инструментарий для осмысления и вероятностной научной оценки фактической распространенности преступного поведения, его отдельных форм или видов. Следует согласиться, что скрытность как проявление преступности — ее главная черта, и представление об этом нужно распространять на все это общественное явление, а не только на конкретную его форму [18; 19]. Инструментарий и практический позитивный опыт применения эмпирических исследований такого рода нарабатан в мировой практике, речь

идет лишь о его адаптивном заимствовании и внедрении с учетом потребностей и целей проводимых исследований.

Интеграция разнообразных методик в криминологическое исследование, единство методологических принципов, теоретических рассуждений и прикладных результатов способствуют обеспечению его целостности, научности, объективности, как и всесторонности получаемых выводов [20, с. 28].

Нельзя забывать об итоговых показателях научности криминологической материи, ее прикладной значимости, способности к решению соответствующих проблем — об обеспечении оптимального функционирования системы социально-правового контроля над преступностью. В этой связи резюмируемые сегодня критерии научности криминологии — ее практическая (фактическая) верификация, конвенциональность и трансцендентальность, отражающиеся на конечной результативности научной деятельности по отношению к общественному развитию в целом, к поддержанию правопорядка, при всей их относительности и зависимости от глобальных характеристик социума должны ориентировать и направлять науку.

Основные требования, синтезирующие совокупность общенаучных принципов познания, принципов криминологического осмысления преступности и специфических категорий криминологии, предъявляемых к криминологическому исследованию, представляется целесообразным сформулировать в виде правил криминологического исследования, механическое перечисление которых, тем не менее, должно указывать на целесообразность их сочетанного использования:

1. Традиционная четырехзвенная схема исследовательского процесса, включающая постановку научной проблемы, выдвижение гипотезы, ее проверку и формирование окончательного результата, в полной мере должна отражаться в исследовательской процедуре о закономерностях преступного поведения [21].

2. Каждый этап криминологического исследования имеет свою специфику, условную и относительную, однако логическая последовательность действий по сбору информации, ее описанию, научной интерпретации с постоянным учетом обстоятельств контекста и формулированию выводов, т.е. построению теории, закономерна. Описание является основой для построения теории описываемого явления с по-

мощью обобщения сходных данных в соответствующую категорию и выявления взаимосвязей, зависимостей между этими явлениями. На каждом исследовательском этапе необходимо соблюдать важные условия описания исследуемого объекта [22].

3. Определение границ исследования — его важное условие. Критерии объекта, его самостоятельности как криминологической категории определяются контекстом проводимого исследования и выбираются автором исходя из существующих целей и задач с учетом базовых криминологических категорий. Наличие общих признаков криминологической характеристики объекта, как правило, выступает критерием определения его границ. Достигнутый на момент исследования уровень теоретических знаний о сущностных свойствах такого объекта является базой для определения границ объекта [23, с. 58].

4. Криминологическое исследование проходит два относительно взаимосвязанных и взаимозависимых уровня, присущих любому научному исследованию, — эмпирический и теоретический. На эмпирическом уровне устанавливаются и описываются изменчивые свойства и закономерности изучаемого явления, теоретический же уровень, отражающий абстрактный объект, предполагает систематизацию и интерпретацию результатов эмпирического обобщения и фиксирует более или менее постоянные связи и свойства изучаемых явлений [3, с. 43; 24, с. 37]. На данных этапах криминологического исследования происходит концептуализация единичных фактов, эмпирическая информация об отдельных сторонах описываемого явления превращается в теорию данного явления, достраиваясь до целого его образа. И последний этап — сравнение полученной теории с другими аналогичными теориями [3, с. 61].

5. Анализ количественных и качественных признаков преступности осуществляется в целях конкретизации исследования. Количественно измеряются состояние, уровень и динамика преступности, темпы ее роста. Качественные особенности анализируются прежде всего через структуру и характер преступности. Однако такой анализ должен содержать в себе специфику географии, ценнй преступности, уровня ее латентности. Эти параметры исследования позволяют вскрыть глубинные, скрытые тенденции и закономерности преступного поведения. Полноценность выявления и использования та-

ких признаков свидетельствует о глубине приращенного знания.

6. Полноценное криминологическое исследование включает в себя анализ всех структурных закономерностей предмета данной науки — проявлений преступности, выступивших объектом исследования, личностных особенностей преступника, системы детерминации и актуальных мер, необходимых в конкретный период для нейтрализации сформировавшихся и устойчиво действующих криминогенных факторов. Фрагментарность выводов, отсутствие осознания на уровне проведенного исследования включенности исследуемого объекта в общую систему преступности и общественного организма в целом способствуют снижению научного потенциала исследования и достоверности получаемых выводов. При этом изучение внутреннего содержания преступности как относительно массовой структурированной совокупности преступлений и преступников с позиции системного подхода требует параллельного выявления особенностей взаимосвязи преступности с другими элементами более общей системы — общества — и осознания исследователем включенности преступности в правовое поле.

7. Соблюдение правил формирования выборочной совокупности в ходе применения выборочного метода для количественных оценок преступности и в ходе применения качественных методик представляется сущностным условием. Выборка должна формироваться с соблюдением всех требований математической статистики и отвечать требованиям репрезентативности. В ином случае высока вероятность получения выводов, не отражающих истинные свойства генеральной совокупности [25, с. 56–58].

Обзор современных криминологических исследований позволяет говорить о несоблюдении всех условий и правил проводимых исследований. Восполнение их неполноты, использование надлежащей эмпирической основы, обеспечение ее целостности путем применения и органичного сочетания количественно-качественных методик, использование приемов и способов анализа с учетом современных интегративных методологических подходов способны вывести криминологическое знание на уровень институциональной теории, обеспечивающей ее прикладную значимость.

Современная преступность зеркально отражает потенциал общества в пределах конкретного территориально-исторического отрезка

времени. Для специалистов в сфере противодействия преступности, занимающихся ее исследованием на теоретико-прикладном уровне, эти истины являются незыблемыми. Преступность резюмирует все влияние окружающей среды, будучи продуктом общества, реакцией на специфику состояния общественного развития. Эти догматические истины должны быть положены в основу анализа преступного поведения, который предполагает осуществление криминологического исследования. В его методологическом арсенале имеется интегративный подход, дающий возможность реализовывать исследовательскую стратегию с использованием репрезентативного материала. Его кри-

тическое осмысление, объективные выводы, позволяющие оценить уровень криминальной пораженности объекта, определить актуальные его состоянию меры целенаправленного противодействия, должны быть итогом синтеза примененных количественных и качественных методик. Принципиальным является осознание того факта, что криминология, как и любая другая наука, существует и развивается для решения насущных проблем практической деятельности. И криминологическое исследование в качестве базиса должно содержать указание именно на рекомендации такого рода, которые учитывали бы непосредственную возможность их апробирования и внедрения на практике.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шалахин И.В. К вопросу о политике государства в области ограничения (предупреждения) преступности, ее соотношения с уголовной политикой и правовой политикой / И.В. Шалахин // Вестник Академии. — 2011. — № 3. — С. 83–89.
2. Щербакова Л.М. Некоторые методологические вопросы криминологического исследования преступности / Л.М. Щербакова, Д.Р. Губжокова, А.С. Панченко // Общество и право. — 2016. — № 3 (57). — С. 69–75.
3. Честнов И.Л. Теоретико-методологическое введение в криминологию : учеб. пособие / И.Л. Честнов. — СПб. : С.-петерб. юрид. ин-т, 2004. — 96 с.
4. Дидактическая криминология / под ред. И.Л. Честнова. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 272 с.
5. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности / Ю.Ю. Комлев // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 1 (27). — С. 6–14.
6. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк : учеб. пособие / Ю.Ю. Комлев. — Казань : Центр инновац. технологий, 2016. — 248 с.
7. Жигарев Е.С. Материалистическая диалектика и криминология: возможен ли компромисс? / Е.С. Жигарев // Союз криминалистов и криминологов. — 2013. — № 1. — С. 132–138.
8. Игнатов А.Н. Методологические основы исследования преступности / А.Н. Игнатов, Е.Б. Ильянович // Общество и право. — 2015. — № 2 (52). — С. 129–133.
9. Игнатов А.Н. Интервальный подход как методологическая основа исследования преступности / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем : 3-й Моск. юрид. форум : 10-я Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 ч. — М. : Проспект, 2016. — Ч. 3. — С. 189–194.
10. Фадеев В.Н. Перспективы развития криминологии и международно-правовые проблемы борьбы с коррупцией / В.Н. Фадеев // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 2. — С. 233–245.
11. Жигарев Е.С. Акценты криминологии / Е.С. Жигарев. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 312 с.
12. Тисленко Д.И. Проблемы эффективности криминологических исследований: к вопросу усовершенствования методологии / Д.И. Тисленко // Общество, право, правосудие : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Воронеж, 20 ноября 2014 г. — Воронеж : Формат, 2014. — С. 204–212.
13. Barak G. Crime and Crime Control in an Age of Globalization: A Theoretical Dissection / G. Barak // Critical Criminology. — 2001. — Vol. 10, iss. 1. — P. 57–72.
14. Barak G. Integrating criminologies / G. Barak. — Boston : Allyn & Bacon, 1998. — 211 p.
15. Akers R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation / R.L. Akers. — 2<sup>nd</sup> ed. — Los Angeles : Roxbury publishing company, 1997. — 180 p.
16. Иванцов С.В. Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности / С.В. Иванцов // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 11. — С. 125–128.
17. Акимова Н.В. Теоретические и методологические основы системного криминологического анализа криминальной сферы общественной жизни / Н.В. Акимова // Юридический мир. — 2016. — № 5. — С. 44–48.
18. Фадеев В.Н. Российская криминология на перепутье / В.Н. Фадеев // Российский криминологический взгляд. — 2013. — № 3. — С. 420–430.
19. Фадеев В.Н. Концептуальные основы фундаментальной криминологии / В.Н. Фадеев // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2015. — № 3 (11). — С. 140–163.
20. Магуза А.О. О некоторых насущных вопросах методологии исследования наркопреступности с позиции социологии / А.О. Магуза // Наркоконтроль. — 2013. — № 1. — С. 27–30.
21. Липень С.В. Проблемы структурирования и развития научного знания / С.В. Липень // Lex Russica. — 2013. — Т. 95, № 10. — С. 1047–1055.
22. Григорян В.А. Криминологическое исследование: понятие и процедура проведения / В.А. Григорян // Lex Russica. — 2007. — Т. 66, № 1. — С. 160–173.



23. Забрянский Г.И. Построение модели системы статистико-криминологических показателей преступности / Г.И. Забрянский // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2015. — № 3 (38). — С. 54–60.
24. Новикова Ю.В. Методика построения криминологической характеристики преступности (преступлений) / Ю.В. Новикова // Российский следователь. — 2015. — № 17. — С. 37–40.
25. Чубаров В.Л. Выборка по методу квот в уголовно-правовых и криминологических исследованиях / В.Л. Чубаров, В.А. Хотеев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1987. — № 1. — С. 55–61.

## REFERENCES

1. Shalakhin I.V. To the issue of the policy of the state in the area of limiting (preventing) crime, its correlation with criminal policy and legal policy. *Vestnik Akademii = Academy's Herald*, 2011, no. 3, pp. 83–89. (In Russian).
2. Shcherbakova L.M., Gubzhokova D.R., Panchenko A.S. Some methodological problems of criminological research of crime. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2016, no. 3 (57), pp. 69–75. (In Russian).
3. Chestnov I.L. *Teoretiko-metodologicheskoe vvedenie v kriminologiyu* [The Theoretical and Methodological Introduction to Criminology]. Saint Petersburg Law Institute Publ., 2004. 96 p.
4. Chestnov I.L. (ed.). *Didakticheskaya kriminologiya* [Didactic Criminology]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 272 p.
5. Komlev Yu.Yu. Integrative criminology as the basis of the methodological triangulation in studying crime. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Kazan Law Institute of Russian Ministry of the Interior*, 2017, no. 1 (27), pp. 6–14. (In Russian).
6. Komlev Yu.Yu. *Integrativnaya kriminologiya: deviantologicheskii ocherk* [Integrationist Criminology: a Deviantological Essay]. Kazan, Tsentr Innovatsionnykh Tekhnologii Publ., 2016. 248 p.
7. Zhigarev E.S. Materialistic dialectics and criminology: is the compromise possible? *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of Criminalists and Criminologists*, 2013, no. 1, pp. 132–138. (In Russian).
8. Ignatov A.N., Ilyanovich E.B. Methodological grounds of studying crime. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2015, no. 2 (52), pp. 129–133. (In Russian).
9. Ignatov A.N., Kashkarov A.A. Interval approach as the methodological basis of researching crime. *Razvitie rossiiskogo prava: novye konteksty i poiski resheniya problem. 3-i Moskovskii yuridicheskii forum. 10-ya Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [The Development of Russian Law: New Contexts and Searching for Solutions. The 3<sup>rd</sup> Moscow Law Forum. The 10<sup>th</sup> International Research Conference]. Moscow, Prospekt Publ., 2016, pt. 3, pp. 189–194. (In Russian).
10. Fadeev V.N. Prospectives of criminology development and international-legal problems of anti-corruption efforts. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2016, no. 2, pp. 233–245. (In Russian).
11. Zhigarev E.S. *Aktsenty kriminologii* [Accents of Criminology]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 312 p.
12. Tislenko D.I. Challenges to the effectiveness of criminological research: the question of improvement methodology. *Obshchestvo, pravo, pravosudie. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Voronezh, 20 noyabrya 2014 g.* [Society, Law, Justice. Materials of All-Russian Research Conference. Voronezh, November 20, 2014]. Voronezh, Format Publ., 2014, pp. 204–212. (In Russian).
13. Barak G. Crime and Crime Control in an Age of Globalization: A Theoretical Dissection. *Critical Criminology*, 2001, vol. 10, iss. 1, pp. 57–72.
14. Barak G. *Integrating Criminologies*. Boston, Allyn & Bacon, 1998. 211 p.
15. Akers R.L. *Criminological Theories: introduction and evaluation*. 2<sup>nd</sup> ed. Los Angeles, Roxbury publishing company, 1997. 180 p.
16. Ivantsov S.V. Theoretical background of systemic approach in criminological studies of Crime. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 11, pp. 125–128. (In Russian).
17. Akimova N.V. Theoretical and Methodological Bases of the System Criminological Analysis of the Social Life Criminal Sphere. *Yuridicheskii mir = Juridical World*, 2016, no. 5, pp. 44–48. (In Russian).
18. Fadeyev V.N. Russian Criminology at the Crossroads. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2013, no. 3, pp. 420–430. (In Russian).
19. Fadeyev V.N. Conceptual basis of fundamental criminal science. *Biblioteka ugovornogo prava i kriminologii = Library of Criminal Law and Criminology*, 2015, no. 3 (11), pp. 140–163. (In Russian).
20. Maguza A.O. On Certain Material Issues of Methodology of Study of Narcocrime from a Perspective of Sociology. *Narkokontrol' = Narkokontrol*, 2013, no. 1, pp. 27–30. (In Russian).
21. Lipen S.V. Problems of the structure and development of scientific knowledge. *Lex Russica*, 2013, vol. 95, no. 10, pp. 1047–1055. (In Russian).
22. Grigoryan V.A. Criminological research: concept and procedure. *Lex Russica*, 2007, vol. 66, no. 1, pp. 160–173. (In Russian).
23. Zabransky G.I. Building a model of the system statistical and criminological crime indicators. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary*, 2015, no. 3 (38), pp. 54–60. (In Russian).
24. Novikova Yu.V. Methods of construction of criminological characteristics of criminality (crimes). *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 17, pp. 37–40. (In Russian).
25. Tchubarev V.L., Khoteev V.A. Sample by quota technique in the criminal-procedural and criminological investigation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1987, no. 1, pp. 55–61. (In Russian).

#### **ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ**

Судакова Татьяна Михайловна — заведующий кафедрой теории государства и права и социально-правовых дисциплин Юридического института Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: krime@mail.ru.

#### **ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ**

Судакова Т.М. Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы / Т.М. Судакова // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 656–665. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).656-665.

#### **INFORMATION ABOUT THE AUTHOR**

*Sudakova, Tatyana M.* — Head, Chair of the Theory of State and Law and Social-Legal Disciplines, Law Institute, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: krime@mail.ru.

#### **FOR CITATION**

Sudakova T.M. Criminological research: theoretical and methodological foundations. *Vserossiiskii krimonologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 656–665. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).656-665. (In Russian).